

ШУРИК

рассказ

**Александра
МАКСИМОВА**

г. Геленджик

— ...Шурик! Поди сюда!

Шурик с самодельным кнутом из резиновой транспортерной ленты идет — элегантно идет, будто его на сцену попросили выйти.

— Пятерку хочешь?.. Дополнительно к своему заработку?

— Хочу.

— Буренок моих будешь пасти?

Шурик покрутился на месте, утаптывая подошвами черную землю. Замялся:

— Ну... Сначала посмотреть надо...

— А чего на них смотреть? Коровы как коровы.

— Я сначала посмотрю.

Семен Геннадьич, человек в деревне уважаемый, ветеринарный фельдшер, устался на Шурика. На этого Шурика в последнее время спрос растет: каждый ему своих буренок всучить хочет. Для выгула, естественно. Тут дело простое: или сам пасти, или к Шурику иди. Многим пасти лень, да и времени на это требуется уйма, вот Шурика и зовут.

Он, конечно, чудик чудиком. Ему после техникума чего только не предлагали! «Иди, любезный, в механизаторы». — Отказался. «Иди технологом на птицеферму». — «Не моё». «Если так любишь животных, иди в зоотехники, — обучат». — Кривляется. Носом крутит. «Я, — говорит, — буренок буду пасти». И всё на этом.

И охота ему в пастухах ходить?.. Круглые сутки с луга на луг прыгать?.. Видать, сердце того просит. А он в силу своей мягкотелости этому сердцу отказать не может.

Как-то по весне сидел Шурик дома, точнее, в коридорном закутке — комнатке, пристроенной к коридору со стороны улицы. Там он хранил всякий хлам — вещи, которыми давно не пользовался, но выбросить не решался.

Так вот сидел Шурик и чистил щеткой свою рабочую куртку. Слышит – кто-то в дверь стучит. Даже будто его зовет – только не Шуриком, а Сашкой. Давно его так никто не звал. Ему даже интересно стало: кто ж там такой нарисовался?

– Лёнька! – раздался из прихожей голос матери.

«Лёнька!» – отозвалось в Шуриковом сердце. Одноклассник его, друг. Давно не виделись. Лет шесть.

– Проходи, проходи! – слышал Шурик мать. – Красивый какой, важный!..

Шурик решил подождать немного, сразу гостю на глаза не показываться. Стал думать, куда же Лёнька пропал, – не писал, не звонил, не ехал. Чем таким был занят, что друга детства позабыл?

Тем временем мать Шурика провела Лёньку в зал, усадила за стол. Налила ему чаю, принесла из кухни вазу с конфетами. Села и долго разглядывала смуглое приятное лицо гостя.

Лёнька, конечно, не Шурик: пиджак на нем такой интересный – в клетку. Брюки миленькие, со стрелками, на руке часы, сделанные под золото, – а может, и впрямь золотые? Хорош Лёнька! Пахнет от него каким-то сильным одеколоном. Дорогой запах, терпкий – матери Шурика нравится.

– Ты к нам надолго? – спросила женщина, по-доброму любуясь Лёнькой.

– На две недели.

Она кивнула. Подложила ему конфету.

– С моим-то – чего?.. Поссорились?

– Да нет вроде.

– А что пропал?

Лёнька развернул конфету, съел:

– Работы много. Шеф еле отпустил.

Женщина сочувственно заглянула ему в глаза:

– Так ты в Брянске? Помощником юриста трудишься?

– Да я уж сам юрист, – улыбнулся Лёнька.

– Четвертый год в свободном плавании.

Хозяйка тоже улыбнулась – хоть не ее это сын, а гордость за душу брала: на глазах ведь

вырос. Был резвым хулиганистым мальчишкой, а теперь вон юрист. Самый настоящий. И глаза у него умные, и лицо такое сосредоточенное, видное. Такому можно доверять. Спросила:

– А ты юрист по какой части?

– В недвижимости. Сделки оформляю. Ввожу объекты в эксплуатацию.

– Это хорошо, – понимающе сказала женщина. – Это нужно.

Лёнька сделал глоток остывшего чаю:

– Ну а Сашка – что? В механизаторы пошел?

– Нет, – с тоской ответила мать. – Буренок пасет. Простота моя деревенская.

Лёнька чуть сдвинул брови. Он знал Сашку с детства, поэтому сильно не удивился. Тот всегда следовал за своей душой – куда прикажет, родимая, туда он и пойдет. Ему в работе какое-то вдохновение нужно было, какой-то особый смак, – так, чтобы не просто денежки под подушку откладывать, а удовольствие получать, – большое удовольствие, редкое.

Мать Шурика вдруг пустила слезу, сжалась в комок, затряслась. Смотрит отчаянными глазами на Лёньку.

А между тем Шурик покинул свой коридорный закуток, стоял теперь под дверью в зал, слушал. Очень ему интересна беседа матери с Лёнькой.

– ...Это прямо беда какая-то! – жаловалась мать. – Тридцать лет пацану, а он за коровами таскается. Его знаешь как в деревне зовут?

– Как? – отозвался Лёнька.

– Буреночником. Вон, говорят, буреночник идет. И смеются. Он же свой труд за труд не считает. Сколько на него понавешали этих голов! Мама дорогая! Пасет круглосуточно, свету белого не видит. А получает копейки. Мне, говорит, хватит. А что хватит? Свою же хоть кобылу содержать надо?.. На которой он их на пастбище гонит. Надо. Дом содержать надо? Надо. У нас ведь тоже – и корова, и свиньи. И земля вон – только стой да паши. Но что же это за работа для мужика – пастух?

Лёнька смутился. Что-то грустное было в его смущении – он хотел помочь этой женщине, но не представлял как. Он знал, что Шу-

рик — славный малый. Мухи не обидит, всякому с его бедой поможет. Но он как-то не видел его, скажем, в городе — за стопкой бумаг, на переговорах с клиентами. Шурик — говорить не любитель, а в работе с людьми коммуникация — важнейший элемент. Он простой совсем. Простой донельзя. Может, поэтому и профессию такую избрал — скромную. Подальше от людей, поближе к природе.

— ...В пастухи испокон веков убогие шли, — продолжала мать. — Калеки какие-нибудь, сироты... Их и за людей не считали. Я даже пословицу такую слышала: «Есть три невольника на свете: пастух в поле, зять в доме и собака на цепи». Вот так!

Лёнька молчал — не мог понять, чем на такие слова ответить. То ли за друга вступиться, то ли мать поддержать?

А хозяйка продолжала:

— Вот ты помнишь нашего прежнего пастуха? — Лёнька нахмурился. — Ну, дядьку Гордея. Рябого такого, бородатого.

— Помню, — ответил наконец.

— Так он почему пастухом был? У него нога дергалась. С рождения. Да и человек он такой был... как это сказать... — Шурикова мать подбирала слова. — Умственно не сильно развитый. С детства коров пас. Правда, до ста лет дожил. Веришь?

Лёнька кивнул:

— Ну, дух, наверное, крепкий был...

— Наверное, — подхватила хозяйка. — В том году его похоронили. Только сотый день рождения встретил, да подхватил где-то менингит. Через месяц-другой и умер.

Шурик, слушавший все это время их разговор под дверью, показался в зале.

Лёнька встал. Шурик, правда, к нему не подошел. Поздоровался, сел рядом с матерью.

— Я вообще-то оператор-животновод, — строго сказал Шурик.

— Чего? — не поняла мать.

— Ну, ты всё твердишь «пастух, пастух». По-правильному — «оператор-животновод».

Шурик с интересом глядел на Лёньку: не изменился его друг, не постарел ни капли. Такой же статный, фигуристый, такая же твердость в глазах, выдержка.

Мать захлопотала: налила всем чаю, из кухни принесла на блюде накануне испеченный брусничный пирог. Положила каждому по кусочку.

— Нравится тебе в Брянске? — спросил Шурик Лёньку.

— Нравится. Ты извини, что пропал, — совсем замотался. Как-то и времени не заметил — с этими судами забыл, какой год, — повинился гость.

— Ничего, — вздохнул Шурик. — Я и сам пропал.

— Значит, ты тут насовсем обосновался?

— Насовсем.

— И даже не тянет куда-нибудь в общество?

Шурик усмехнулся:

— Я целый день в обществе. С рогатыми только, у которых бирки в ушах.

— Устаешь, небось?

— Не сильно.

Шурик как-то сник: не понравилось ему, как мать о нём при Лёньке отзывалась. Будто он не человек, а тявка какая-то. Будто у него ни желаний собственных нет, ни целей.

— Пойду переоденусь, — мрачно сказал он.

Вышел из зала, а сам за стенкой стоит. Всё слышит, думает. Не хочется ему в зале сидеть. Ни Лёньку видеть не хочется, ни мать.

— ...Ну, пасет-то он хорошо? — от нечего делать спросил Лёнька.

— Хорошо, — ответила хозяйка. — Он, дурачок, верит, что в его пастушьей палке сила какая-то. Потому его коровы и слушают. Мол, есть в этой палке какое-то свойство: поставит он ее в землю, нашепчет что-то и спокойно спит. А коровы тут же, при нем — никуда не денутся.

— Может, это талант у него такой? — подсказал Лёнька. — Не каждый с животными общий язык находит.

— Какой талант? — посмеялась мать. — Много ли ума надо — стадо гнать с одного пастбища на другое?!

— Всё равно. А если, например, заболит корова — она же агрессивная становится. И боднуть может. Сашку-то не бодали? — поинтересовался Лёнька.

— Ни разу, — опять усмехнулась мать. — Он

с ними разговаривает. Говорит, к каждой корове подход нужен. Лучше бы он к бабам подход искал. Ни одной на горизонте нет... Стадо только на уме. Смешно!

Шурик совсем вскипел за стенкой: стоит, чувствует, как кровь к голове приливает. Трясет его от раздражения, выворачивает. Шурик и не думал, что он такой чурбан. Жил себе потихонечку, пас черно-пестрых буренок, как-то и не задумывался, что жить надо глубже, интереснее.

С минуту в зале было тихо.

— Он себя героем считает, — наконец сказала мать после затянувшегося молчания.

— В смысле? — Лёнька звякнул чашкой о блюдец.

— Говорит, от него зависит удой буренок. Людям ведь какое молоко нравится? Жирненькое, густое. Такое молоко не каждая буренка даст. Такое молоко бывает, когда корова хорошо питается. И клевер ест, и мятлик, и подкормку зеленую... Вот он и старается. Хорошо выпасет — корова даст отборное молоко. Сядет он потом в кухне, попробует это молоко и сидит как блаженный. Смакует. Ему за такое молоко спасибо говорят. А он уши развесит, слушает. Гордится сам собой. Лучше б денег просил. Лучше б жизнь свою устраивал. По-хорошему, по-людски.

Тихонько скрипнула уличная дверь. Шурик ушел. Ушел далеко. Мыслей у него теперь было много. Решил он делиться этими мыслями с апрельским небом. Где-нибудь в поле, где, кроме цветущей гречихи и облаков, никого.

— Ну, где он? — скоро спохватилась мать. — Ковбой мой деревенский. Шурка! Шурка!

Вышла на крыльцо, прошлась по двору, заглянула в огород — пусто.

— Обиделся, небось, — сказала мать, вернувшись в дом. — Сбежал.

— Я пойду, Зоя Ивановна, — произнес Лёнька. — Мне еще к брату заглянуть нужно.

— Иди, конечно.

Она не хотела отпускать гостя. Потолковать бы еще — выговориться по полной.

— Заходи к нам, ладно? — говорила мать Шурика, провожая Лёньку до ворот. — Мы тут совсем одни. Никто к нам не ходит.

— Совсем никто? — удивился Лёнька.

— Ну... Галка может зайти, сестра двоюродная. На кофе. А так... кому мы нужны?

Лёнька приобнял хозяйку:

— Спасибо за чай, Зоя Ивановна.

— Не за что, — попросила шепотом: — Вытаскивай его отсюда, а?

— А? — не понял Лёнька.

— Ну, Шурку моего отсюда вытаскивай.

Лёнька опешил:

— Как же я его отсюда вытащу?

— Ну, придумай что-нибудь. Работу предложи, — с горячностью подсказывала мать.

— Так у него и образования соответствующего нет.

— А какое нужно?

— Юридическое.

— Ну, — замялась хозяйка, — не обязательно же всем в юристы идти. Может, вам кто другой требуется?

Лёнька пожал плечами:

— Только если в бригаду к застройщику... Каменщиком, например...

— А получится из него каменщик?

— Не знаю. Тут все от желания зависит.

— Ясно, — не скрыв разочарования, выдохнула мать. — Ну, иди, иди. Топчешься...

И Лёнька пошел — поправил свой клетчатый пиджак и пошел. Направился к дому брата.

А Зоя Ивановна стояла у ворот. Все о чем-то думала, размышляла. Потом вдруг присела в тени боярышника, выдала в голос:

— Проклятая жизнь! — и расплакалась.

Вспомнила, что рано овдовела. Что собиралась родить троих, а родила одного. Что хотела языки учить, по Парижу кататься, а стала обыкновенной птичницей — ухаживала за курами. Как-то и не нашлось у нее времени для языков. Не получилось из нее заграничной дамы.

Ночью вернулся Шурик. Мать слышала, как он хлопнул дверь. Слышала его тяжелые шаги. Шурик потоптался в кухне, пошелкал светом да пошел к себе в спальню. Мать решила посмотреть, спит или нет. Заглянула тихонько к нему, а он сидит, рубашку зашивает.

– Не спится? – спросила, стоя в дверях.
 – На конюшню собираюсь, – не поднимая на нее глаз, ответил Шурик.
 – А что там делать?
 – Малыша кормить.
 – Кто ж ночью коней кормит?
 – Я – не ночью, я – поутру.
 Мать озадаченно глядела на сына:
 – Выспался бы... Уйдешь ни свет ни заря, целыми днями тебя нет.
 – Ну, нет и нет. Проблема, что ли? Сиди вон тряпки свои шей, – буркнул сын.
 Мать как будто обиделась, но не умолкла:
 – Так, может...
 – Работаю я! – отрубил Шурик. Надел в спешке зашитую рубашку и вышел из спальни.

Его Малыш был американской породы квоттерхорс. Шурик, заходя в конюшню, зачерпывал ведром из бочки овса и скорей к Малышу – дать полакомиться. Потом чистил его щеткой. Как говорил, не для чистоты, а для отношений. «Конь так к ласке привыкает, – считает Шурик. – Знает конь, что хозяин его обрабатывает, но, главное, – слушать будет».

А та весенняя ночь выдалась удивительная. Звезды, как фонари, с неба светили. Нравилось Шурику, что он один идет по деревне: все спят, ни одно окошко не горит, а он идет, смотрит в глаза этой ясной сказочной ночи. Позабыл он свои неприятности, выкинул из головы малейший пустяк. Он, как царь, как хозяин этой ночи, идет по дорогам своего царства, любителю спящими домиками. Все вокруг отходит на второй план, делается маленьким, второстепенным, а он, Шурик, большой, и мысли у него большие. Чувствует, как бьется у него пульс, как приятный холодок бежит от затылка до пят...

Скоро – конюшня. Скоро Шурик шагнет в новый прекрасный день.

ШУБА, КОТОРАЯ ВИСИТ НА ВЕШАЛКЕ

рассказ

Петрович и Петровна – люди маленькие. У них на двоих тридцать квадратов в старой двухэтажке на окраине села. Оба от природы тихие, скромные, Петрович и Петровна – сторонники тишины. Не признают, когда, например, телевизор орет без умолку или шум на улице стоит: тут же спустятся, разберутся. Вообще, оскорбить тишину для них преступление. В этой тишине они и местную газету «Прибой» читают, и в домино играют, и лелеют вечернюю прохладу, идущую в комнату с балкона.

Сидит как-то Петрович у окна, любителю солнцем, которое вот-вот должно сесть за горы. Размышляет над грядущей датой: у Петровны через неделю юбилей – семьдесят лет. Подарок он ей купил царский – шубу. Не просто какую-нибудь дешевую шубейку, а вещь потрясающего кроя – дорогую, изысканную. Шуба была из меха куницы. Продавец говорил, что это особый мех, что «знающие» зовут его канадским соболем.

Петрович, конечно, к «знающим» не относился, а чтобы купить этот славный подарок, он продал гараж и мотоцикл. Мотоцикл был очень даже ничего – его Петровичу отдал сын за ненадобность. Бери, мол, папа, я не езжу. Но Петрович мотоциклистом не был: всю жизнь до винзавода (он проработал там тридцать лет) на «Ниве» ездил. «Ниву» продал годом ранее – тогда у него желудокхватило, язву ставили. Прооперировали, на реабилитацию деньги требовались. Вот Петрович и разорился: продал машину, взял путевки и себе, и жене в Горячий Ключ, в санаторий «Горный». Государство ему, конечно, бесплатную обещало, только ждать долго. Вроде и будут эти путевки, а когда – неизвестно. Подумал тогда Петрович

да и махнул на «Ниву» рукой: эта старая колымага давно ему не подруга. Он из дома-то вылезает раз в три дня: к морю спустится, подышит и — обратно. Спросит у своей старушки, надо ли чего купить, если надо — сходит в магазин. Нет — значит, сядет в зале и уставится в газету, кушая фундук. Петрович обожал орехи, чашками их ел, одну за другой.

Так вот в продолжение — о шубе. Особенно понравилось Петровичу то, что она называлась «шуба-трансформер». Рукав отстегивается — получается жилет. Низ шубы — три пластины, мех — тоже отстегивается, получается, так сказать, укороченная шубка-жилетка. Этот фокус, предвкушал он, явно глянется Петровне. Супруг еще в магазине представил, как жена будет в шубе ходить — то с длинным рукавом, то с коротким, то в удлинненном варианте, то в укороченном. Красота прямо! Сказка!

Шуба ждала Петровну в кладовке: старик уложил подарок в коробку, понаставил сверху банок, ящичков со старыми газетами. Еще не подарил, а уже нервничал: как же Петровна отреагирует? Небось, вытаращит глаза, зарумянится. Небось, и слово сказать не сможет — так уж подействует на нее этот роскошный презент. Старик ей таких подарков отродясь не делал. Ну, платья дарил, туфли какие-нибудь... И то когда ж это было? Кастрюли дарил, сковородки, но чтоб такой сверхценный подарок — никогда. Он о шубе-то ни с того ни с сего подумал: вспомнил свою покойную мать. Та однажды сказала: «Шубу жене купи. Она у тебя замечательная. А лучше шубы ничего для женщины нет». Петровичу эти слова так в душу и запали, но все как-то не до шуб было. А тут и случай представился: мотоцикл стоит без дела, гараж без машины держать не хочется. Мать потом добавила, что Петровна ей сама за шубу заикнулась: хочу, говорит, королевой себя почувствовать, пройтись по улице, и чтоб всякие Машки-Глашки шеи поворачивали. Вот и решил Петрович: пусть почувствует. Пусть и в семьдесят. В семьдесят что, жизнь заканчивается?

И вот настал день юбилея. Петровна суетилась с самого утра: пекла медовик, мариновала ребрышки, ставила холодец. Петрович все

её не мог из кухни выловить: с одной стороны подойдет, с другой, а она — ему: «Не мешай!» И дальше готовкой занимается. Ходил он за ней полдня, да устал. Куда жена столько готовит? Все село, что ли, позвала?

— Люся, это кому столько холодца? — удивлялся Петрович.

— Нам, — отвечала Люся.

— Зачем так много?

Этот вопрос Люся сочла глупым: отвечать не стала.

— Пойдем, дружок, я тебе кое-что покажу, — говорил старик, многообещающе указывая глазами на дверь.

— Некогда.

— Ну, хоть на минутку-то можно отвлечься! Люся кивнула:

— Ладно.

Помыла руки, сняла фартук. Идет за Петровичем, улыбается, предвкушает сюрприз. Старик достал из кладовки шубу, развернул. Протягивает Люсе, а та стоит, глаза выпучила — не знает, как реагировать.

— Что? — испугался старик. — Цвет не нравится?

Петровна молчала.

Старик осмотрел шубу, погладил мех:

— Может, пуговицы слишком крупные?..

— Это что, шуба? — ожила наконец Петровна. Заиграло на ее лице неподдельное удивление.

— Ну... — замаялся супруг. — Не просто шуба... а изделие натуральное, качественное.

— Мама дорогая... — пробормотала Петровна себе под нос, спросила уже громче: — Сколько же она стоит?

— Какая разница? — ушёл от вопроса муж. — Я же платил, не ты.

Петровна набросила шубу на свои тощие плечи, покрутилась у зеркала, прошла по залу. Глядит на Петровича — не с ума ли он сошел, такие подарки на старости лет делать?

— Это куница, — заметил старик, любясь своей Люсей. — Можно отстегнуть рукава — получится жилетка.

Петровна заулыбалась. Шуба села как по ней шито: и рукав хорош, и длина. Старик довольно подмигнул: о как! попал! И с размером угадал, и с моделью — жена в этой шубе точно

сошла с экрана телевизора, по которому богатую жизнь показывают.

— Хороша! Ну, хороша же? — любовался муж.

— Безупречна! — заключила сияющая Люся, добавила: — Только я себя в ней как-то странно чувствую. В моем возрасте такое не носят.

— Еще как носят, — убеждал муж. — Шуба — это на все случаи жизни. На любой возраст. Будешь подружкам зимой хвастать.

Петровна, конечно, обрадовалась. Мерила шубу чуть ли не каждый день. Потом повесила в шкаф, любовалась ею со стороны. Месяц, другой, третий. А когда пришла зима, сняла шубу с вешалки, присмотрелась.

— Наденешь завтра? — благодушно спросил старик, которого до сих пор брала гордость за свой королевский подарок.

Озадачилась жена:

— Да вот думаю... Куда ж такую красоту на улицу?.. Может, пусть лучше висит — целее будет...

— Как?! — возмутился старик. — Что ж я ее покупал, чтоб она в шкафу висела?!

— Да ты не сердись, — мягко увещевала Петровна, — у нее мех какой дорогой. Швы такие аккуратные. А если зацеплю где, порву, не дай бог? Не прошу себе.

— Да где зацепишь? — не соглашался Петрович. — Это ж не тряпка какая...

— Пусть висит! — заключила Люся. — С мыслями соберусь и надену.

Однако с мыслями она собиралась долго: вот уж февраль на исходе, а шуба так и висит. Петрович ей про эту шубу твердил, твердил, да нервы сдали: чего он, в самом деле, упрашивает? Не хочет — не надо. Если б знал, что будет висеть, — обратно б в магазин сдал.

— ...Со следующей недели на улице плюс обещают, — сказал как-то Петрович, с укоризной глядя на Люсю. — Шуба твоя так и висит.

— Ну и пусть висит, — отрезала Люся. — Мешает, что ли?

Старик всплеснул руками:

— Каламбур какой-то, честное слово! Я ей такой подарок сделал, а она носом крутит, упирается.

— Да я такие вещи сроду не носила! — возь-

ми да заголоси Люся. — Как я в ней на улице-то покажусь? У меня и сапог приличных нет... калоши какие-то. Да и что под эту шубу надену? Это ведь наряд нужен соответствующий. Статусный. А у меня вместо платий одни котомки. Дешевый ширпотреб.

Старика от ее слов даже в жар бросило, только и выдал в ответ:

— Ну и покупала бы себе платья, а не ширпотреб!

Люся молчала: то на Петровича глядела, то на шубу. Поутихла малость.

— А ты сам подумай, — подала наконец голос жена, — что я, к примеру, Ивановне скажу?

— А что нужно Ивановне говорить? — опешил старик.

— Так ведь спросит, на какие шиши куплено.

— Так и скажи: продали мотоцикл — купили шубу, — предложил муж.

— Не поверит, — Люся даже губы поджала.

— Ну и пусть не верит. Нам-то что?

— Ну, как же... косо смотреть будет. Не поймет.

— О-о! — от ошеломительной догадки у Петровича глаза на лоб полезли. — Так вот откуда ноги растут!

— А вот нечего такие подарки делать... бестолковые, — хлестнула в ответ жена.

— Бестолковые?! — не на шутку разошелся муж. — Да я за эту шубу двести тысяч отдал! Совсем ты, бабка, из ума выжила!

— Двести тысяч... — Петровна ошарашенно глядела на старика. — Ты на хату свою посмотри, миллионер! Стена вон в плесени, холодильник на ладан дышит, счетчики менять надо, а он шубы по двести тысяч берет!

— Ты сама однажды матери моей сказала — мол, шубу хочу — королевой себя почувствовать, — чуть присмирив от безысходности своего положения, напомнил Петрович.

Петровна хмурила брови:

— Так когда это было? В каком году?

— Да что ты, в самом деле?! — у старика от расстройства прямо поджилки тряслись. — Я же от чистого сердца! Порадовать хотел!

— Порадовать хотел! — передразнила жена. — Да ты в доме ремонт сделай — вот это радость будет. А шуба эта... Я уж и не знаю, на черта она в южном климате. У нас самый строгий

мороз — десять градусов. И то, бывает, такая теплынь стоит — минуса неделями нет.

У Петровича внутри настоящее потрясение случилось: такая смута в сердце, такой мандраж по телу!.. Открыл он шкаф, сорвал шубу с вешалки, бросил на пол. Принес из кухни ножницы, да ножницами по нижнему краю как резанул!

Петровна сидит не моргая. Белая-белая.

— Поди ты вон, старая вешалка, — шепчет она чуть слышно мужу. — Глаза б мои тебя не видели.

Старик оделся, вышел из дома. Направился он к морю — успокоиться, посмотреть на бледный февральский закат.

На следующей неделе Петрович возил шубу в салон — реставрировать. Отдал за ремонт приличную сумму.

Потом привез шубу обратно Петровне, а она — за свое: пускай висит. Продать не дает. Я, говорит, хозяйка — как скажу, так и будет. Ходит в своем драповом пальтишке по селу, думает про себя: все-таки не созрела до шубы. То сглаза чужого боится, то мнения сельского — вот, скажут, индюки какие, на что деньги тратят... шикают!

А Петровича жалко. Он такого исхода событий никак не ожидал. И проклял эту шубу, и

сжечь хотел, в пух и прах со старухой своей разругался. Часто вспоминает он время, когда тихо было у них дома, спокойно: хорошо жились им, счастливо. Никакие шубы поперек горла не стояли. И что теперь делать? Как наладить контакт со своей Люсей? Петрович и деньги копить начал — на ремонт. Или, может, купить холодильник, тогда она и отгадет?

А шуба так и висит — хорошая добротная шуба среди простеньких поношенных кофточек. Петровичу она что бельмо в глазу, а Петровне — как медом мазанная. Вертится она вокруг шубы, крутится. Вытащит из шкафа да повесит обратно. Ждет какого-то особого настроения, какого-то исключительно случая...

□

Александра Викторовна МАКСИМОВА

окончила Кубанский государственный университет,

факультет психологии и управления.

Увлекается литературным творчеством.

Автор книги

«Письмо Небесному Святейшеству» (2014).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2021)

в номинации «Проза».

Живет в Геленджике.

В журнале «Север» публикуется впервые.

